

УДК 903.05

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2025.4.58.72>

ЭНЕОЛИТИЧЕСКИЕ ПОГРЕБЕНИЯ В ЗАПАДНОМ ПРИБЕЛОМОРЬЕ: КУЛЬТУРНО- ХРОНОЛОГИЧЕСКАЯ АТРИБУЦИЯ¹

© 2025 г. А.М. Жульников

В статье представлены результаты изучения материалов энеолитических погребений, выявленных в 70-е годы XX века в Западном Прибеломорье в ходе исследований трех древних поселений с разновременными комплексами находок. Анализ полученных данных, проведенный путем привлечения широкого круга аналогий с археологических памятников, датированных радиоуглеродным методом, позволил не только уточнить возраст захоронений, но и установить их принадлежность к определенным культурам (комплексам энеолитической керамики), известным на территории региона. Большая часть погребального инвентаря, обнаруженная в энеолитических захоронениях Западного Прибеломорья, видимо, получена путем обмена с населением Прионежья (изделия из сланца (метатупа)), Южного Прибеломорья (орудия из кремня), Юго-Восточной Прибалтики (украшения из янтаря).

Ключевые слова: археология, погребение, энеолит, культура ромбоямочной керамики, пористая керамика типа Залавруга, Белое море

ENEOLITHIC BURIALS IN THE WESTERN WHITE SEA REGION: CULTURAL AND CHRONOLOGICAL ATTRIBUTION²

A.M. Zhulnikov

The article deals with the results of studying the materials of the Eneolithic burials discovered in the 70s of the XX century in the Western White Sea region during the research of three ancient settlements containing finds from different periods. The analysis of the data obtained, conducted by drawing a wide range of analogies from archaeological sites dated by the radiocarbon method, allowed not only to clarify the age of the burials, but also to determine their attribution to specific cultures (Eneolithic ceramic assemblages) known in the region. Most of the grave goods found in the Eneolithic burials of the Western White Sea region were apparently obtained through exchange with the population of the Lake Onegs region (items made of slate (metatuff)), the Southern White Sea region (flint tools), the Southeastern Baltic (jewelry made of amber).

Keywords: archaeology, burial, Neolithic, rhomb-pit ware culture, porous ware of the Zalavruga type, White Sea

Введение

В бассейне Белого моря на данный момент известно 18 могильников и одиночных погребений, датируемых от V до II тыс. до н. э. Несмотря на наличие серии опубликованных работ, посвященных отдельным аспектам изучения нео-энеолитических захоронений, исследованных на территории Прибеломорья, материалы ряда могильников и одиночных погребений в имеющейся археологической литературе представлены далеко не полно, что существенно затрудняет изучение погребальных обрядов древнего населения региона.

Основная цель данного исследования - публикация материалов погребений, обнаруженных

в Западном Прибеломорье в 70-е годы XX века, уточнение данных об их хронологии, установление их связи с энеолитическими культурами Восточной Фенноскандии и сопредельных регионов. В ходе изучения имеющихся коллекций и архивных данных удалось получить дополнительные сведения о планиграфии и стратиграфии погребений, о составе и морфологии погребального инвентаря, о контексте захоронений (иные находки и планиграфические структуры на поселениях с погребениями).

Определение возраста захоронений и установление их принадлежности к археологической культуре (комплексу керамики опреде-

¹ Исследование выполнено в рамках выполнения госконтракта по плановой научной теме сектора археологии ИЯЛИ КарНЦ РАН.

² The research was carried out as part of the implementation of a state contract on a planned scientific topic of the archeology and history sector of the KarSC RAS.

ленного типа) велось путем поиска аналогий погребальному инвентарю в материалах поселений и могильников, датированных в последние десятилетия радиоуглеродным методом. Кроме того, при решении задачи уточнения хронологии погребений, были учтены недавно опубликованные сведения об изменениях в голоцене береговой линии побережья Белого моря в северной части Кандалакшского залива.

В данной статье впервые представлены полные сведения о составе инвентаря предполагаемого одиночного (?) погребения на стоянке Путкинская I, о планиграфии и стратиграфии энеолитического захоронения на поселении Нива X, об особенностях залегания и составе находок в грунтовых могилах на стоянке Нива XII.

Материалы

Одиночное (?) захоронение на стоянке Путкинская I. В 1964 году известному карельскому археологу Г.А. Панкрушеву была передана коллекция находок, собранная строителями Путкинской ГЭС на правом берегу р. Кемь. «Клад» состоял из кинжала и наконечника дротика из кремня, трех каменных и девяти янтарных украшений. Г.А. Панкрушев в своем отчете отмечает, что многие вещи из «клада» были утрачены еще до приезда археолога (Панкрушев, 1964). Выезд исследователя на место находки «клада» показал, что на месте его обнаружения находится разрушенная строительными работами стоянка, на которой в 1964–1965 годах были проведены сборы подъемного материала и зачистки сохранившихся участков культурного слоя. Стратиграфия стоянки: дерн (6–10 см); ярко-красный песок (5–15 см); линзы желтого песка (до 5–10 см); скала – подстилающий слой. Полученные в ходе сборов находки: 63 крупных и 32 мелких фрагмента лепной керамики, кварцитовая заготовка перфорированного валуна с незаконченным отверстием, четыре обломка сланцевых шлифованных орудий, обломок сланцевой шлифовальной плиты, 20 кварцевых скребков, девять кремневых скребков, два кремневых ножа, два обломка кремневых наконечников стрел, кремневая проколка, кремневый отщеп с ретушью, обломок точильного бруска из песчаника, пила и обломок пилы из кварцита, кварцевый отбойник, кварцевое скребло, семь кварцевых резцов, отщепы из кварца (512), кремня (25), кварцита (4), кальцинированная косточка. Керамика со

стоянки принадлежит минимум девяти позднеэнеолитическим сосудам с ямочно-гребенчатой орнаментацией и трем раннеэнеолитическим сосудам ромбоямочного типа. По аналогиям в керамике стоянка относится к последней четверти V тыс. до н. э. – первой половине IV тыс. до н. э. Состав находок, обнаруженных в ходе сборов на разрушенной стоянке, не имеет ничего общего с характером изделий из «клада», собранного строителями на этом участке берега реки.

В последующие годы скопление янтарных и каменных предметов со стоянки Путкинская определялось в научных трудах первоначально как «клад» (Панкрушев, 1978, с. 20), а в последующем как инвентарь из разрушенного погребения (Жульников, 2023). Кроме того, в фондах Кемского краеведческого музея мною были выявлены фрагменты минимум от двух янтарных подвесок (рис. 3: 8, 9), найденных строителями в 1964 году у Путкинской ГЭС. Видимо, эти предметы также входят в состав инвентаря предполагаемого разрушенного погребения (погребений?).

На данный момент, коллекция, поступившая от строителей ГЭС в фонды ИЯЛИ КарНЦ и Кемского краеведческого музея, состоит минимум из 18 изделий: кремневого наконечника дротика (рис. 2: 2), кремневого кинжала (рис. 2: 4), трех сланцевых колец (одного целого (рис. 2: 6), трех обломков от двух колец (рис. 2: 1, 3)), подвески из желтого яшмовидного камня (рис. 2: 5), 12 янтарных украшений (целых и обломков): кольцо, обломок кольца, 10 подвесок (рис. 3). К сожалению, некоторые янтарные украшения, после передачи их на музейное хранение, сильно растрескались, поэтому в настоящей публикации, помимо фотографий, используются рисунки, выполненные И.В. Хеглунд в 70-е годы, сразу после поступления находок на изучение в ИЯЛИ Карельского филиала Академии наук СССР. В рассматриваемой коллекции имеется два небольших обломка, видимо, янтарных подвесок, принадлежность которых к иным вышеуказанным украшениям установить не удалось.

Погребение на поселении Нива X. В древности стоянка, где была обнаружена грунтовая могила, располагалась на берегу узкого Кандалакшского залива Белого моря неподалеку от устья реки Нива, на ее левом берегу (рис. 1). Высота памятника над уровнем моря

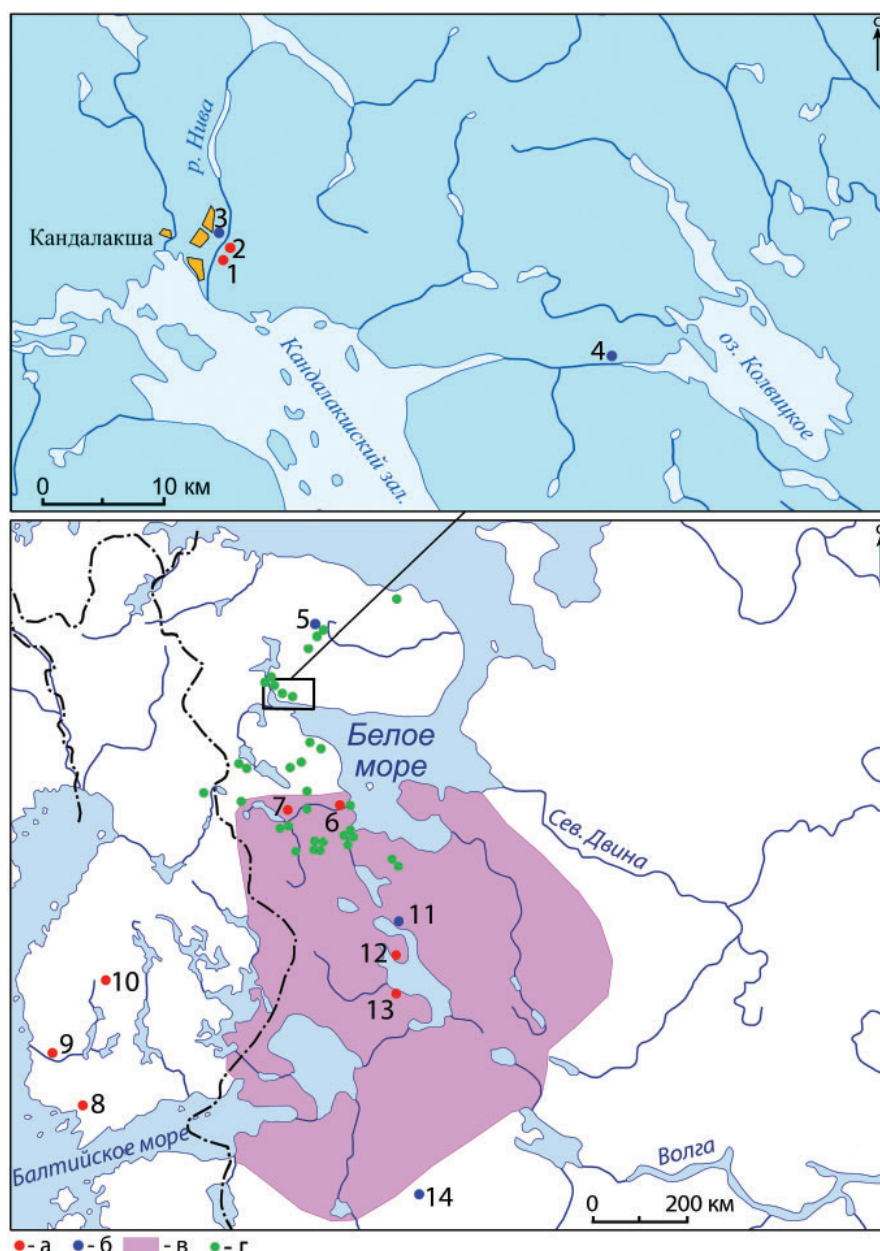

Рис. 1. Местонахождение энеолитических погребений в западной и северо-западной частях Прибеломорья.

а – энеолитические могильники и одиночные погребения; б – стоянки, упоминаемые в данной статье; в – территория, на которой встречаются серии сосудов ромбоямочной керамики (типа Пегрема I и т. п.); г – стоянки с керамикой типа Залавруга. 1 – Нива X; 2 – Нива XII; 3 – Нива III; 4 – Колвица X; 5 – Мыс Семерка; 6 – Путкинская I; 7 – Коштомуш I; 8 – Куккаркоски I; 9 – Колмхаара; 10 – Хартikka; 11 – Черная Губа IX; 12 – Букольников I; 13 – Деревянное XI; 14 – Репище

Fig. 1. Location of Eneolithic burials in the western and northwestern parts of the White Sea region.

а – Eneolithic burials and individual burials; б – campsites mentioned in this paper; в – area where series of rhomb-pit pottery (Pegrema I type, etc.) are found; г – campsites with ceramics of the Zalavruga type. 1 – Niva X; 2 – Niva XII; 3 – Niva III; 4 – Kolvitsa X; 5 – Mys Semerka; 6 – Putkinskaya I; 7 – Kostomush I; 8 – Kukarkoski I; 9 – Kolmhaara; 10 – Hartikka; 11 – Chyornaya Guba IX; 12 – Bukolnikov I; 13 – Derevyannoe XI; 14 – Repishche

составляет 34,1 м. На стоянке Ю.В. Титовым и П.Э. Песонен в 1972–1974 годах исследовано 500 кв. м. На территории поселения имелось четыре жилищных впадины: № 1 – 6×6,5 м, глубиной 0,65 м; № 2 – 5×10 м, № 3 – 3×3 м; № 4 – 4×4 м. На месте расположения одной из

впадин была раскопана часть полужемляночного жилища с пористой гребенчато-ямочной керамикой типа Залавруга, а за пределами впадины обнаружена каменная кладка неясного назначения с мелкими костями, выявлены каменные очаги и многочисленные

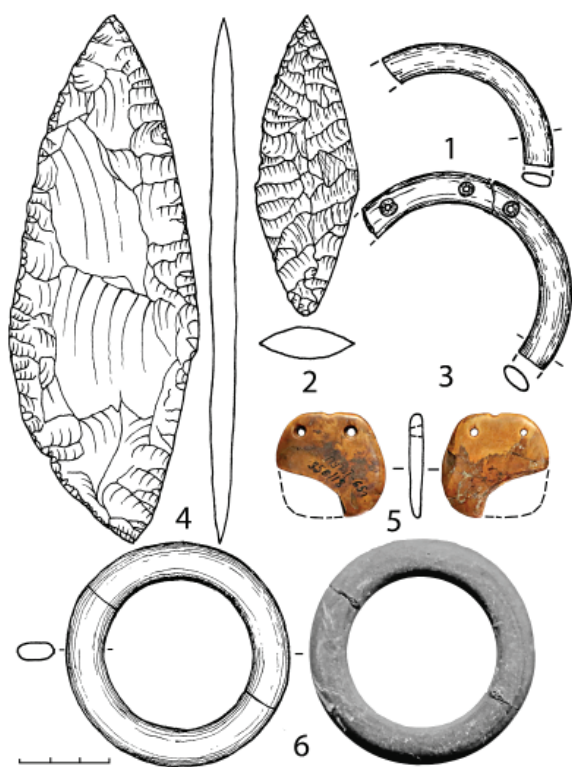

Рис. 2. Каменный инвентарь из погребения на стоянке Путкинская I. 1, 3 – обломки сланцевых колец; 2 – кремневый наконечник дротика; 4 – кремневый кинжал; 5 – подвеска из желтоватого роговика или яшмовидного камня; 6 – сланцевое кольцо

Fig. 2. Stone inventory from a burial at the Putkinskaya I campsite. 1, 3 – fragments of slate rings; 2 – flint javelin head; 4 – flint dagger; 5 – pendant made of yellowish hornfels or jasper-like stone; 6 – slate ring

кострища, насыщенные кальцинированными костями. В коллекции, собранной на стоянке (всего 2780 предметов), имеются фрагменты от двух сосудов с ромбоямочной орнаментацией (рис. 6: 1–11) и минимум от 11 сосудов пористой гребенчато-ямочной керамики типа Залавруга, сведения о которых были опубликованы автором ранее в отдельной статье (Жульников, 2007). В каменном инвентаре стоянки преобладают орудия из кварца (скребки, резцы, ножи, отщепы со следами работы и т. п.) и отходы их производства (нуклеусы и отщепы). Кремневые наконечники стрел и дротиков, собранные в раскопе на поселении, имеют листовидную форму (Аськеев и др., 2024, рис. 13–15). На стоянке найдено три сланцевых угловых ножа для снятия шкур, которые соотносятся с комплексом керамики типа Залавруга (Жульников, 2007).

В 1972 году ниже культурного слоя стоянки выявлена грунтовая могила, в которой найде-

но семь изделий из сланца (Титов, 1973; Песонен, 1977). Погребение обнаружено под культурным слоем вплотную к котловану жилища с керамикой типа Залавруга (рис. 4). Размеры могильной ямы составляют 60–70×180 см, размеры охристой линзы несколько меньше – 40×150 см. Глубина ямы от уровня материка – 30–35 см. В верхней части погребения имела прослойка почти стерильного песка (10–15 см), ниже которой наблюдалась заполнение в виде темно-желтого песка с небольшой примесью угольков и золы, с несколькими мелкими кальцинированными косточками. В нижней части погребения выявлена линза темно-красного охристого песка толщиной 3–5 см (рис. 4). В слое охры у южного края погребения найдены остатки человеческих зубов. В 80 см от южного края ямы, в охристой линзе, рядом с крупным валуном естественно-го происхождения, найдено скопление из семи сланцевых предметов: заготовка тесла (рис. 5: 4), заготовка стамески или небольшого тесла (рис. 5: 6), два желобчатых долота (рис. 5: 1, 2), две заготовки рубящих орудий (рис. 5: 3, 5), уплощенное кольцо (рис. 5: 7). На заготовках тесла и стамески имеются признаки шлифовки плоских граней. П.Э. Песонен отмечает в отчете, что погребение прорезает котлован полуземляночного жилища, однако, исходя из имеющихся планов и стратиграфических разрезов (рис. 4), это наблюдение не представляется очевидным, поскольку поверх могильной ямы, в ее южной части, наблюдалось скопление валунов (рис. 4), которое окружает с наружной стороны котлован полуземлянки и, видимо, является выбросом из него.

Могильник на стоянке Нива XII. Стоянка Нива XII исследовалась П.Э. Песонен в 1972 г. (Песонен, 1977, 1980). Находится на левом берегу р. Нива (рис. 1) на высоте 40,5 м над уровнем моря. Раскопом 192 кв. м вскрыта большая часть культурного слоя стоянки. Основным комплекс здесь образуют раннеэнеолитические артефакты, связанные с керамикой типа Сяр и сперрингс. Помимо этих типов керамики в раскопе встречены 20 фрагментов от минимум четырех энеолитических сосудов с примесью асбеста и органики (рис. 8: 1–3, 5), венчик сосуда раннего железного века. Наличие разновременных находок на стоянке свидетельствует о ее неоднократном заселении, начиная с неолита. В восточной части раскопа расчищено три могильных ямы,

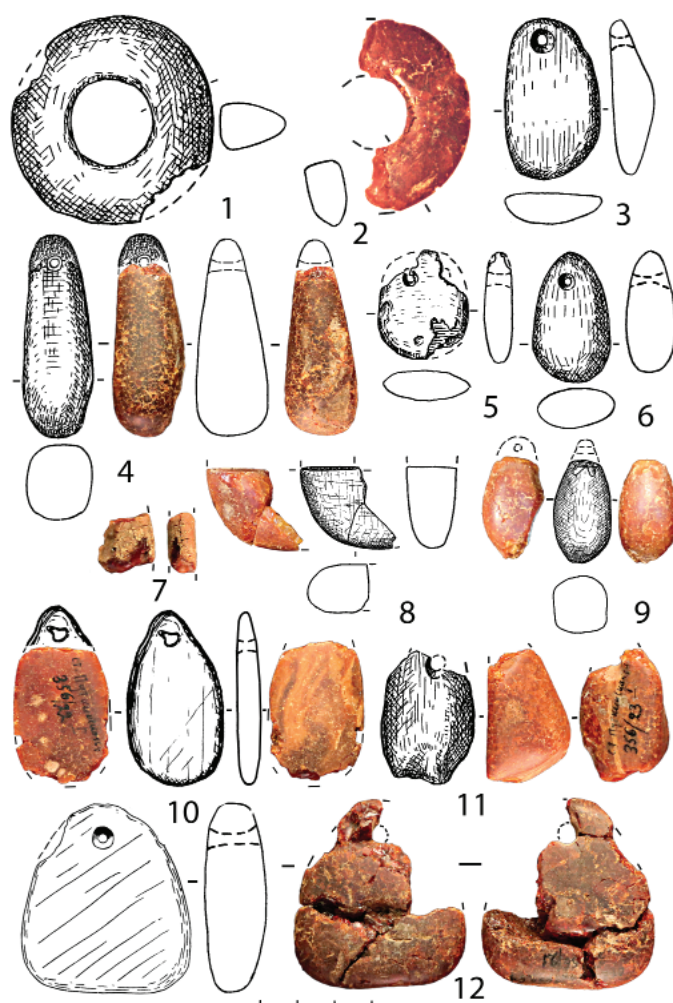

Рис. 3. Янтарные украшения из погребения на стоянке Путкинская I. 1 – кольцо; 2 – обломок кольца;

3–12 – подвески и их обломки. Фото А. М. Жульникова

Fig. 3. Amber jewelry from the burial at the Putkinskaya I campsite. 1 – ring; 2 – ring fragment;

3–12 – pendants and their fragments. Photo by A. M. Zhulnikov

заполненных охристым песком, перекрытых стерильной прослойкой. К югу от могильной ямы № 3 обнаружена четвертая яма (№ 4), также заполненная охристым песком, частично разрушенная крупным деревом. П.Э. Песонен предполагает, что и эта яма является остатками могилы (Песонен, 1980, с. 42–43), с чем следует согласиться, поскольку ямы № 3 и 4 имеют сходные размеры и глубину, расположены рядом, параллельно друг другу. Края ям наблюдались на фоне светло-желтого материкового песка. Могильные ямы ориентированы запад-восток, параллельно долине ручья, впадающего в реку Нива.

Яма № 1 имела размеры 70×140 см, глубину от уровня материка 40 см. В заполнении встречены фрагменты керамики типа сперрингс, кальцинированные косточки, обломки

сланцевого орудия и шлифовальной плиты, кварцевые отщепы.

Яма № 2 – 70×160 см, глубина от уровня материка 40 см. В заполнении найдены фрагменты керамики типа сперрингс, кальцинированные косточки, кварцевые отщепы и скребок.

Яма № 3 – 60×140 см, глубиной до 30 см от уровня материка. В заполнении могилы встречены фрагменты керамики типа сперрингс. В восточном конце на дне прослежена зольно-углистая линза, в которой найдена керамическая трубочка (рис. 7).

Яма № 4 – 35–55×160 см, глубиной до 30 см от уровня материка. В ней найдены фрагменты керамики типа сперрингс и кварцевые изделия.

В заполнении всех четырех могильных ям встречены фрагменты от одного сосуда типа

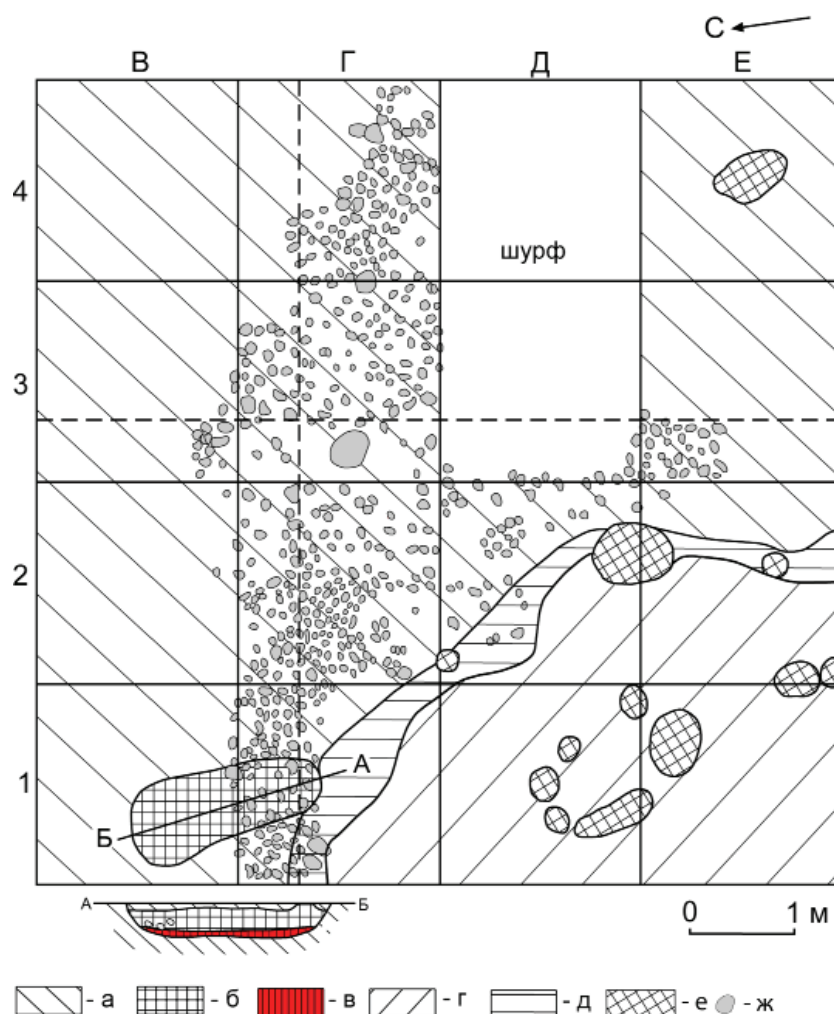

Рис. 4. План и профиль одиночного захоронения в раскопе на стоянке Нива Х. а – светло-желтый песок; б – песок с золой и мелкими угольками (верхняя часть заполнения могильной ямы); в – охристый песок; г – коричневый песок; д – углистый или красноватый песок; е – заполнение хозяйственных ям; ж – валун

Fig. 4. Plan and profile of a individual burial in an excavation area at the Niva X campsite. а – light yellow sand; б – sand with ash and small coals (upper part of the burial pit filling); в – ochrish sand; г – brown sand; д – carbonaceous or reddish sand; е – filling of household pits; ж – boulder

сперрингс с прочерченным орнаментом, что дало основание П.Э. Песонен отнести исследованные захоронения к раннему неолиту (Песонен, 1980, с. 43–46). Фрагменты от этого же сосуда, как отмечает исследователь, встречены и в небольших ямках, расположенных неподалеку от могил. Вполне очевидно, что обнаруженные в засыпке нескольких ям, включая могильные, фрагменты от одного сосуда, кальцинированные косточки животных и т. п. не могут являться погребальным инвентарем. Наличие в захоронениях подобных находок, явно происходящих из культурного слоя, косвенно указывает на то, что погребальный обряд, включающий создание могильной ямы и ее засыпка, был совершен на культурном

слое поселения раннеэнеолитического возраста, а не до появления здесь поселения, как предполагала П.Э. Песонен (1980, с. 43).

Единственной находкой, которую в захоронениях на Ниве XII достаточно уверенно можно отнести к погребальному инвентарю, является керамическая трубочка-пронизка, обнаруженная у дна могилы № 3 (рис. 8: 4).

Хронология погребений и их возможная культурная принадлежность

Путкинская I. Принадлежность к погребальному инвентарю «клада» изделий со стоянки Путкинская I не вызывает сомнений, поскольку его состав и морфология изделий имеет многочисленные аналогии в материалах исследованных в восточной части бассей-

на Балтийского моря поздненеолитических – раннеэнеолитических могильников.

Наиболее близкая аналогия инвентарю из предполагаемого погребения на Путкинской I наблюдается в материалах могильников Куккаркоски I, Колмхаара, Хартиikka исследованных на территории Финляндии (рис. 1) (Edgren, 1960; Torvinen, 1979; Ahola, 2019; Ahola et al., 2025). Сходство наблюдается в облике янтарных украшений (массивные подвески, в том числе с двумя отверстиями для подвешивания), наличии в составе инвентаря сланцевых колец с овально-уплощенным сечением, кремневых наконечников дротиков листовидной формы, кремневых ножей-кинжалов. Могильники Куккаркоски I, Колмхаара Хартиikka оставлены населением с типичной гребенчато-ямочной керамикой, датируемой по радиоуглеродным данным периодом 3900–3500 calBC (Ahola et al., 2025). Примечательно, что в Западном Прибеломорье типичная гребенчато-ямочная керамика не представлена.

Единственный раннеэнеолитический могильник на территории Карелии, уверенно связываемый с комплексом ромбоямочной керамики, был исследован И.В. Мельниковым на острове Букольников 1 на территории Заонежья (рис. 1). Погребальный инвентарь обнаружен в двух могильных ямах (она из них сохранилась полностью, вторая наполовину разрушена карьером) с охристым заполнением, остатками костного тлена и бересты: янтарное кольцо округлого сечения, янтарная нашивка с двумя отверстиями на противоположных концах, две сланцевых подвески с отверстиями, кремневый наконечник стрелы листовидной формы, обломок кремневого наконечника дротика, лидитовый скребок. По бересте из погребения 1 получена радиоуглеродная дата: 4740 ± 60 (JE-9391) (Мельников, 2022), что вполне определенно указывает на принадлежность могильника к культуре ромбоямочной керамики. Примечательно, что ромбоямочная керамика в раскопе на территории могильника не обнаружена, зато представлены иные хронологические комплексы: среднего неолита (ямочно-гребенчатая керамика) и позднего энеолита (асбестовая керамика). В составе и морфологии находок могильника Букольников 1 и из одиночного (?) захоронения Путкинская I обнаруживается некоторое сходство (сланцевые подвески, массивные

янтарные кольца, кремневые листовидные наконечники метательного вооружения), что указывает на их хронологическую близость.

На стоянке Черная Губа IX, исследованной И.Ф. Витенковой на северном побережье Онежского озера (рис. 1), обнаружен набор украшений, разрозненно залежавших в культурном слое, которые по ряду параметров, напоминают изделия с Путкинской I. На стоянке найдено два уплощенных сланцевых кольца, две подвески с отверстиями из яшмовидного желтоватого камня, янтарная крупная подвеска с двумя отверстиями в верхней части (Витенкова, 2002, рис. 48: 21–24; 50). Эти украшения, по данным исследователя, связаны с комплексом гребенчато-ямочной керамики, которая на территории Карелии синхронна ромбоямочной посуде, датируемой по радиоуглеродным данным первой половиной – началом второй половины IV тыс. до н. э. (Тарасов, Хорошун, 2016, с. 374). Сланцевые уплощенные кольца, найденные на Путкинской I, обычны на стоянках с ромбоямочной и гребенчато-ямочной керамикой на территории Карелии, а в более позднее время, во второй половине IV тыс. до н. э., населением с пористой и асбестовой керамикой они уже не использовались. Не известны сланцевые кольца и на стоянках Карелии с неолитической ямочно-гребенчатой керамикой, финал бытования которой по совокупности имеющихся радиоуглеродных дат относится к концу V тыс. до н. э. (Тарасов, Хорошун, 2016, с. 373). Поскольку на раннеэнеолитических стоянках Прибеломорья, в отличие от Прионежья, не известны заготовки сланцевых колец и отходы их производства, то, скорее всего, эти украшения, как кремневые и янтарные изделия, на север Карелии поступали путем обмена.

Подвески с просверленными отверстиями из кусков янтаря случайной формы, имеющие аналогии среди украшений на Путкинской I, были обнаружены М.П. Зиминной в слое торфяника со средненеолитической ямочно-гребенчатой керамикой на стоянке Репище I (Зиминая, 1993, с. 71–73).

В начале второй половины IV тыс. до н. э. на территории Карелии ромбоямочная и типичная гребенчато-ямочная посуда сменяется асбестовой и пористой керамикой типов Войнаволоков и Оровнаволоков (Жульников, Тарасов, 2021). Изделия из предполага-

Рис. 5. Сланцевый инвентарь из погребения на стоянке Нива Х. 1–2 – желобчатые долота; 3, 5 – заготовки рубящих орудий; 4 – тесло (заготовка?); 6 – стамеска (заготовка?); 7 – кольцо. Фото А. М. Жульникова

Fig. 5. Slate inventory from a burial at the Niva X campsite. 1–2 – fluted chisels; 3, 5 – blanks for chopping tools; 4 – adze (blank?); 6 – chisel (blank?); 7 – ring. Photo by A. M. Zhulnikov

емого погребения на Путкинской I не характерны для могильников Восточной Европы, оставленных энеолитическим населением с асбестовой и пористой керамикой. На этой территории, видимо, с третьей четверти IV тыс. до н. э., из состава погребального инвентаря исчезают сланцевые кольца, в могилах часто встречаются удлинённые кремневые иволистные наконечники стрел, янтарные плоские подвески и пуговицы-нашивки с V-образным сверлением, в некоторых захоронениях обнаружены янтарные пронизи и кольца (Костылева, Уткин, 2010; Ошибкина, 2022; Иванисцева, 2022; Жульников 2023, Жульников и др. 2025).

Датировка комплекса инвентаря из разрушенного погребения на стоянке Путкинская

I не выходит за рамки первой половины IV тыс. до н. э., а с учетом довольно архаичного облика ряда янтарных украшений (массивные кольца треугольного сечения, подвески с отверстиями, изготовленные из почти не подвергнутых обработке кусков солнечного камня) – ближе к рубежу V – IV тыс. до н. э. Одно или, возможно, несколько погребений на стоянке Путкинская I, видимо, оставлены населением с ромбоямочной керамикой, относясь к переходному от неолита к энеолиту времени.

Нива Х. Терраса, на которой расположена стоянка, судя по графику изменения береговой линии моря в районе города Канда-лакши, составленного по палеогеографическим данным (Kolka, Korsakova, 2012), стала

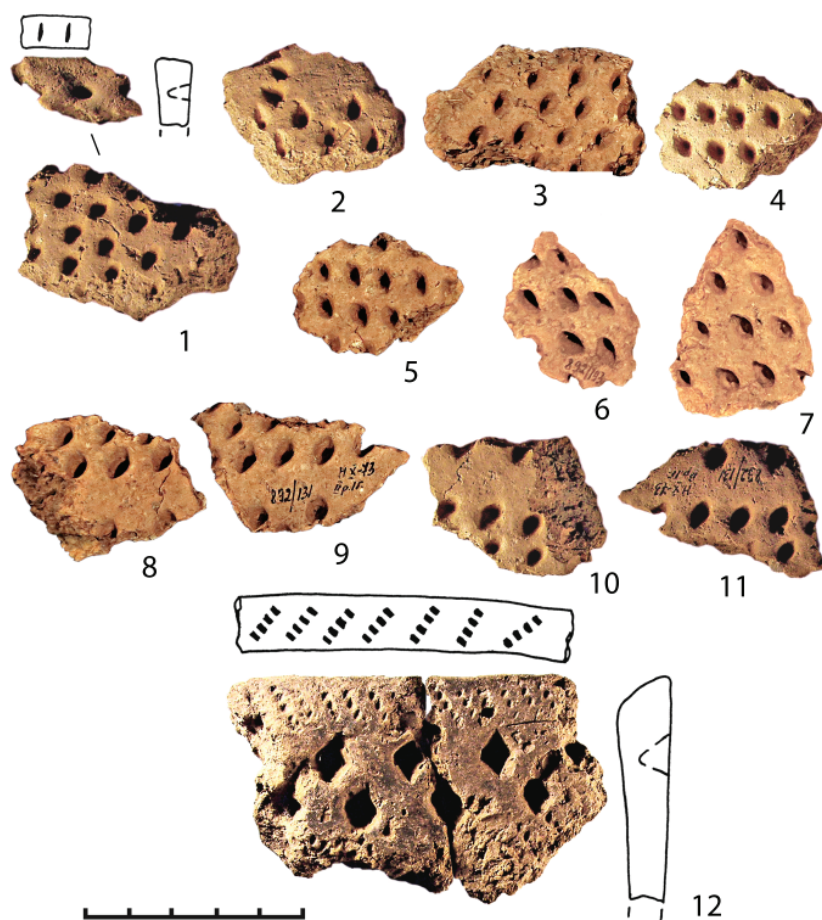

Рис. 6. Ромбоямочная керамика со стоянок Нива Х (1–11) и Мыс Семерка I-II (12). Фото А. М. Жульникова
Fig. 6. Rhomb-pit pottery from the Niva X (1-11) and Mys Semerka I-II (12) campsites. Photo by A.M. Zhulnikov

пригодной для заселения и совершения захоронений в начале IV тыс. до н. э. (рис. 9). Верхняя хронологическая граница могилы, обнаруженной на поселении, уверенно устанавливается по сланцевому кольцу, входящего в состав погребального инвентаря – подобные украшения, как уже было отмечено, не встречаются на поселениях Карелии позднее начала первой половины IV тыс. до н. э. Орудия и их заготовки, найденные в могиле, имеют в сечении подпрямоугольную форму, что отличает их рубящих орудий русско-карельского типа с треугольным или трапецевидным сечением. Изделия русско-карельского типа получают распространение на большей части Карелии и территории сопредельных регионов начиная с середины IV тыс. до н. э. (Тарасов, 2022), однако подобные рубящие орудия пока не известны на исследованных раскопках поселений с керамикой типа Залавруга.

Поскольку в составе инвентаря энеолитических могильников Восточной Европы преоб-

ладают изделия, полученные путем обмена (Жульников, 2023), то определение культурной принадлежности погребений этого времени всегда вызывает существенные затруднения. Начальный этап заселения стоянки Нива Х, судя по находкам ромбоямочной керамики, относится к первой половине IV тыс. до н. э. Эта стоянка, судя по данным планиграфии и составу находок, наиболее активно посещалась населением с пористой гребенчато-ямочной керамикой типа Залавруга, датируемой по радиоуглеродным данным в юго-западной части Прибеломорья третьей четвертью IV тыс. до н. э. (Жульников, Тарасов, 2021). Однако, тип Залавруга в северной части Карелии и на Кольском полуострове мог сформироваться как локальная традиция и до середины IV тыс. до н.э., поскольку находки ромбоямочной керамики здесь единичны. Области распространения этих типов пространственно пересекаются только в юго-западной части Прибеломорья (рис. 1), поэтому следует

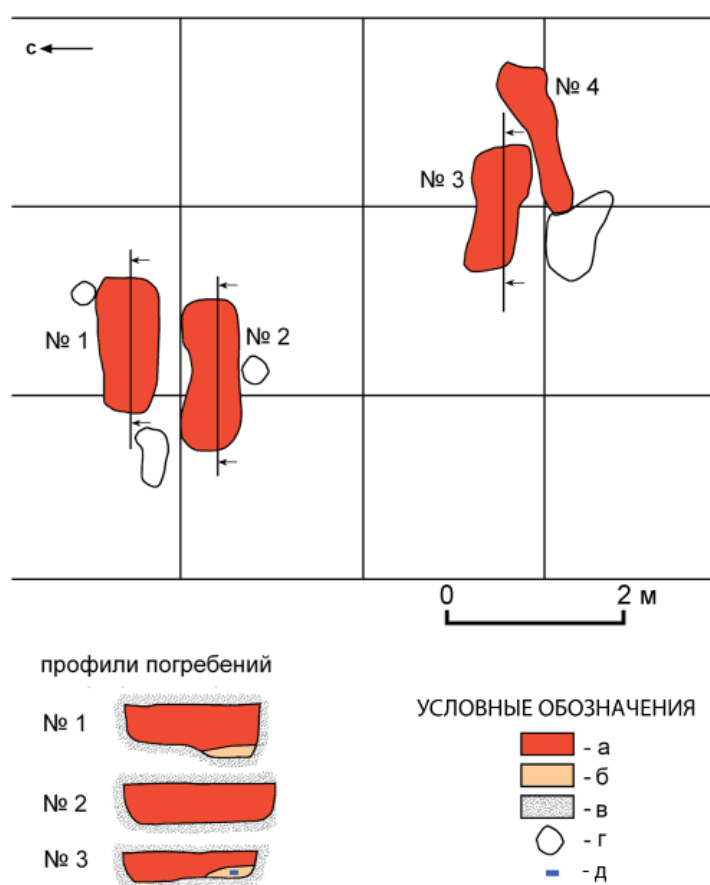

Рис. 7. План могильника в раскопе на стоянке Нива XII. а – охристый красный песок; б – зольно-углистый песок; в – светло-желтый песок; г – хозяйственная яма; д – керамическая пронизка

Fig. 7. Plan of the burial ground in the excavation area at the Niva XII campsite. а – ochrish red sand; б – ash-coal sand; в – light yellow sand; г – household pit; д – ceramic bead with hole

полагать, что в определенный исторический момент ромбоямочная керамика и посуда типа Залавруга могли развиваться синхронно. К северу от бассейна реки Кемь, в северо-западной части Прибеломорья и на Кольском полуострове, известно всего два археологических памятника, где найдена ромбоямочная керамика: Нива X и Мыс Семерка (рис. 1). Фрагмент венчика сосуда ромбоямочной керамики, найденный на стоянке Мыс Семерка (рис. 6: 12), имеет пористую структуру (пух и раковина?), нехарактерную для этого типа. Примесь раковины, распознаваемая по специфическим следам на разломах фрагментов посуды, доминирует в гребенчато-ямочной керамике типа Залавруга, широко представленной в западном Прибеломорье и на Кольском полуострове (рис. 1). Сосуд с ромбоямочным орнаментом и пористой структурой с Мыса Семерка, по особенностям его технологии следует отнести к разряду гибридных, что указывает на возможное синхронное бытование в определенный исторический период

керамики типов Залавруга и ромбоямочной. Примечательно, что на стоянке Мыс Семерка имеется довольно многочисленный комплекс керамики типа Залавруга, здесь же в раскопе был обнаружен обломок сланцевого кольца с уплощенно-овальным сечением (Гурина, 1997, рис. 45: 17).

Погребение на стоянке Нива X, судя по немногочисленности находок из культурного слоя в заполнении могильной ямы, могло появиться на начальной стадии заселения этого участка берега морского залива. Оно могло быть оставлено в начале первой половины IV тыс. до н. э. как населением с ромбоямочной керамикой, отдельные группы которого могли проникать в северную часть Кандалакшского залива, так и аборигенными группами охотников-рыболовов на морского зверя (Аськеев и др., 2024) с керамикой типа Залавруга.

Изделия из погребения на стоянке Нива X, несмотря на их неоднократную очистку для рисования и фотографирования, сохранили

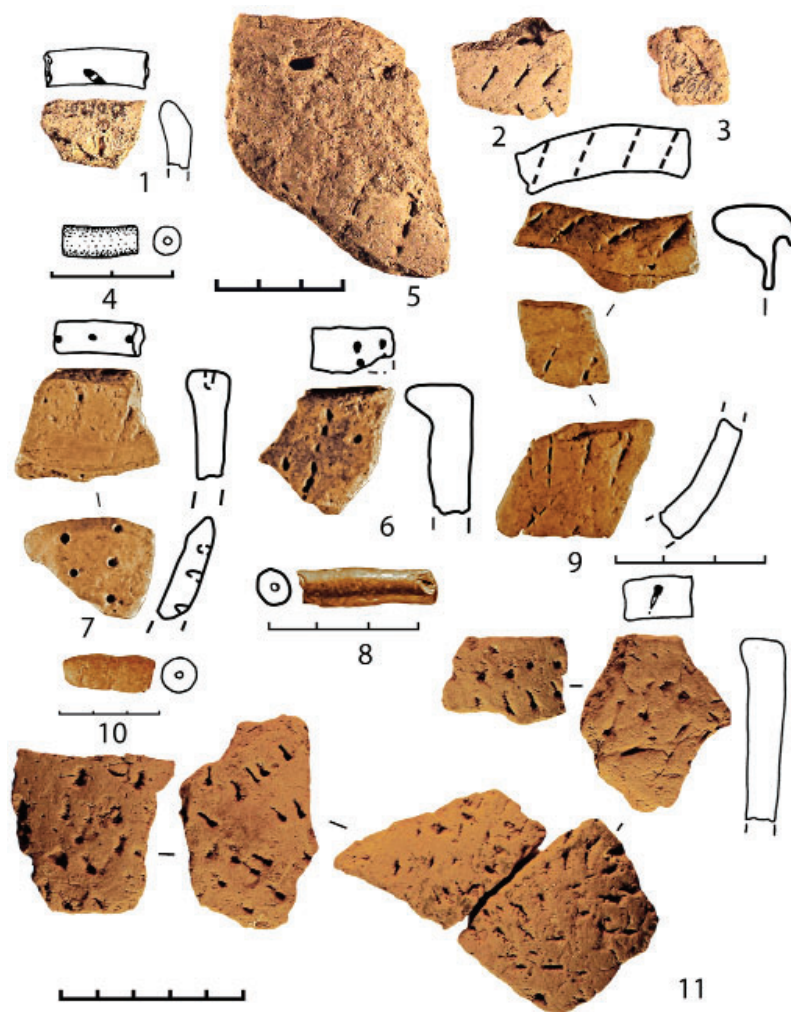

Рис. 8. Керамические изделия со стоянок Нива XII (1–5), Нива III (6–9), Колвица X (10–11). 1–3, 5, 6, 7, 9, 11 – фрагменты керамической посуды; 4, 8, 10 – керамические пронизки. Фото А. М. Жульникова

Fig. 8. Ceramic items from the Niva XII (1–5), Niva III (6–9), Kolvitsa X (10–11) campsites. 1–3, 5, 6, 7, 9, 11 – fragments of pottery; 4, 8, 10 – ceramic beads with holes. Photo by A.M. Zhulnikov

красную окраску (рис. 5), что указывает на использование в погребальном обряде высококачественной охры. Подобная охра, используемая древними людьми в погребальных ритуалах в энеолите Восточной Финноскандии, как показали результаты ее исследования в погребении Деревянное XI на западном побережье Онежского озера (рис. 1), могла быть предметом обмена, что предполагает появление в это время специализированных рудников для ее добычи (Жульников и др., 2025).

Нива XII. Керамическая пронизка желто-коричневого цвета, обнаруженная в одной из могил, имеет аналогии еще на двух стоянках, расположенных в южной части Кольского полуострова: Нива III и Колвица X (рис. 8: 8, 10) (рис. 1). В иных частях Восточной Финно-

скандии подобные изделия не известны. На стоянке Колвица X представлен, видимо, единовременный комплекс пористой керамики (рис. 8: 11), напоминающей по морфологии керамическую посуду с примесью асбеста и органики типа Оровнаволок, получившей распространение на всей территории Карелии и в ряде сопредельных областей с конца IV тыс. до н. э. Пористая керамика, видимо, типа Оровнаволок найдена и на стоянке Нива III (рис. 8: 6, 7, 9), где помимо энеолитической посуды исследован выразительный комплекс асбестовой керамики типа Пасвик, датированной по нагару на керамике второй четвертью II тыс. до н. э. (Гусенцова, Жульников, 2023). По графику высотной датировки морских террас в северной части Кандалакшского залива эта стоянка по сравнению с посе-

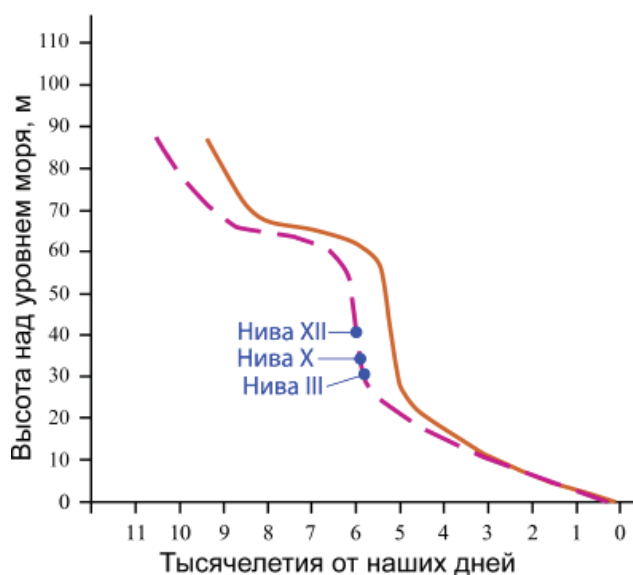

Рис. 9. Высотное расположение стоянок Нива III, X, XII на графике изменения береговой линии Кандалакшского залива Белого моря у города Кандалакша (Kolka, Korsakova, 2012, fig. 7). Сплошная линия — для возраста C14, пунктирная линия — для калиброванного возраста C14

Fig. 9. The high-altitude location of the Niva III, X, XII campsites on the chart of changes in the coastline of the Kandalaksha Bay of the White Sea near the town of Kandalaksha (Kolka and Korsakova, 2012, fig. 7). The solid line is for the age of C14, the dotted line is for the calibrated age of C14

лениями Нива X, XII занимает более низкие отметки (рис. 9), что является для этой части побережья Белого моря хронологическим показателем. Таким образом, сразу на трех памятниках в южной части Кольского полуострова наблюдается сочетание керамических пронизок с энеолитической пористой керамикой, напоминающей по своей характеристике тип асбестовой и пористой керамики Оровнаволок. Скорее всего, найденные в южной части Кольского полуострова керамические украшения, судя по их форме и цвету, являются имитациями янтарных пронизок, часто встречающихся в энеолитических могильниках на территории Северной и Восточной Европы (Жульников, 2023).

Расположение на стоянке Нива XII керамического украшения у края восточной части погребения, позволяет предположить, что именно здесь располагалась голова усопшего, поскольку подобные по форме янтарные украшения в иных энеолитических могильниках не встречаются ниже области колена человека (Костылева, Уткин, 2010; Иванищева, 2022).

Безинвентарные погребения в ямах, заполненных охристым песком, на стоянке Нива XII имеют аналогии в могильнике Конштомуш I (группы из двух-трех сходных по линейным параметрам могил, расположенных параллельно по отношению друг к другу), исследованного Ю.В. Титовым в среднем течении р. Кемь (рис. 1), относящегося к комплексу позднеэнеолитической асбестовой керамики типа Палайгуба (Жульников, 2023).

Выводы

В энеолите на территории Западного Прибеломорья, как и во многих иных регионах лесной полосы Восточной Европы, появляются захоронения с довольно многочисленным погребальным инвентарем, включающим иногда изделия из прибалтийского янтаря. Одиночная (?) могила на стоянке Путкинская I, судя по морфологии и составу связанного с ней погребального инвентаря, является на данный момент одним из древнейших захоронений с янтарными украшениями на территории Восточной Европы.

Найденные в некоторых могильниках и на ряде стоянок Восточной Фенноскандии подвески из желтоватого яшмовидного камня и пронизки из обожженной глины, видимо, является местным подражанием янтарным украшениям, полученных древним населением региона с южного побережья Балтийского моря.

Проанализированные в ходе настоящего исследования материалы не дают оснований утверждать, что совершение обряда захоронения на территории поселения происходило в тот момент, когда на нем продолжали проживать древние люди. В низовьях рек Кемь и Нива выявлены многочисленные скопления энеолитических поселений, некоторые из которых вполне могли быть синхронными могильникам и одиночным захоронениям на стоянках Путкинская I, Нива X, XII.

На территории региона в энеолите наряду с погребениями, в которых имеются изделия, полученные в основном путем обмена и, изредка, местного происхождения, существуют могильники «с красной охрой», в которых находки отсутствуют. К признакам, которые позволяют интерпретировать удлиненные ямы, заполненные охристым песком, в качестве остатков ингумаций, следует отнести наличие групп погребений (от двух и более), в которых могилы ориентированы параллельно

друг к другу. Кроме того, охристые линзы в не может быть объяснено воздействием огня могилах на стоянках Нива Х, XII перекрыты (кострища, лесные пожары и т. п.) на песчаном или супесчаный грунт сверху песком более светлых оттенков, что

ЛИТЕРАТУРА

Аськеев И.В., Жульников А.М., Аськеев А.О., Аськеев О.В., Тарасов А.Ю. Морская охота на ластоногих (Pinnipedia) на побережье Белого моря в энеолите // Поволжская археология. 2024. № 3 (49). С. 73–93.

Витенкова И.Ф. Памятники позднего неолита на территории Карелии. Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2002. 183 с.

Гурина Н.Н. История культуры древнего населения Кольского полуострова. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1997. 240 с.

Гусенцова Т.М., Жульников А.М. Новые данные о датировке памятников с асбестовой керамикой энеолита – эпохи бронзы на территории Северо-Запада России // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2023. Т. 45. № 1. С. 8–19.

Зими́на М.П. Каменный век бассейна реки Мсты / Российский этнограф. Вып. 16. М.: Институт этнологии и антропологии РАН, 1993. 268 с.

Жульников А.М. Памятники с керамикой типа Залавруга I в Прибеломорье и некоторые вопросы изучения Беломорских петроглифов // Кольский сборник / Отв. ред. Л. Г. Шаяхметова. СПб.: ИИМК РАН, 2007. С. 102–137.

Жульников А.М. Могильники и одиночные погребения древнего населения бассейна Белого моря (энеолит – эпоха бронзы) // Археология Евразийских степей. 2023. № 4. С. 244–265.

Жульников А.М., Тарасов А.Ю. О происхождении и хронологии асбестовой керамики геометрического стиля типа Войнаволоков // РА. 2021. № 4. С. 21–34.

Жульников А.М., Желтова М.Н., Кулькова М.А., Сапелько Т.В., Данилов Г.К. Энеолитическое погребение Деревянное XI на западном побережье Онежского озера. Результаты комплексного исследования // РА. 2025. № 1. С. 37–53.

Иванищева М.В. Поселение Тудозеро V и могильник Тудозеро VI в Южном Прионежье // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 57–70.

Мельников И.В. О могильнике с янтарными и сланцевыми украшениями на острове Букольников в Заонежье // Престижная экономика первобытных людей. Петрозаводск: Издательство ПетрГУ, 2022. С. 26–40.

Костылева Е.Л., Уткин А.В. Нео-энеолитические могильники Верхнего Поволжья и Волго-Окского междуречья. Планиграфические и хронологические структуры. М.: ТАУС, 2010. 300 с.

Ошибкина С.В. Янтарные изделия в неолите – энеолите лесной зоны Восточной Европы // РА. 2022. № 4. С. 7–20.

Панкрушев Г.А. Отчет о работе Онежской археологической экспедиции в Карелии в 1964 г. // Архив Карельского научного центра РАН. 1964.

Панкрушев Г.А. Мезолит и неолит Карелии. Часть 2. Неолит. Л.: Наука, 1978. 163 с.

Песонен П.Э. О двух древних поселениях в низовье р. Нива // СА. 1977. № 1. С. 126–138.

Песонен П.Э. Неолитические памятники Кандалакшского берега Белого моря // Новые археологические памятники Карелии и Кольского полуострова / Ред. Ю. А. Савватеев. Петрозаводск: ИЯЛИ КФ АН СССР, 1980. С. 37–79.

Тарасов А.Ю. Индустрия рубящих орудий русско-карельского типа в Карелии и Северо-Восточной Европе: особенности производства и распространения // Престижная экономика первобытных людей / сост.: А. М. Жульников и др. Петрозаводск: ПетрГУ, 2022. С. 111–139.

Тарасов А.Ю., Хорошун Т.А. Радиоуглеродная хронология периода неолита и энеолита на территории Карелии // Радиоуглеродная хронология эпохи неолита Восточной Европы VII–III тысячелетия до н. э. / сост. Г.И. Зайцева, О.В. Лозовская, А.А. Выборнов, А.Н. Мазуркевич. Смоленск: Свиток, 2016. С. 368–387.

Титов Ю.В. Отчет о работе Кольской археологической экспедиции Карельского филиала АН СССР в 1972 г. // Архив Карельского научного центра РАН. 1973.

Ahola M. *Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC)*. Helsinki: University of Helsinki, 2019. 105 p.

Ahola M., Macāne A., Nordqvist K. ‘Symbolically Overloaded’ Burials: Early Fourth-Millennium BC Hunter-Fisher-Gatherer Mortuary Practices from North-Eastern Europe // *European Journal of Archaeology*. 2025. P. 1–19.

Edgren T. Kolmhaara – gravarna // *Finskt Museum*. 1960. № 66. P. 5–25.

Kolka V.V., Korsakova O.P. Application of geological methods for dating of stone labyrinths on the White Sea coast // *Proceedings of the MSTU*, Vol. 15, No. 2, 2012. P. 349–356.

Torvinen M. Liedon Kukkarkosken kivikautinen Kalmisto // *Suomen Museo*. 1979. № 85. P. 37–80.

Информация об авторе:

Жульников Александр Михайлович, кандидат исторических наук, научный сотрудник, Институт языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН (г. Петрозаводск, Россия); rockart@yandex.ru

REFERENCES

Askeyev, I. V., Zhul'nikov, A. M., Askeyev, A. O., Askeyev, O. V., Tarasov, A. Yu. 2024. In *Povolzhskaya arkeologiya (Volga River Region Archaeology)* 49 (3), 73–93 (in Russian).

Vitenkova, I. F. 2002. *Pamyatniki pozdnego neolita na territorii Karelii (Late Neolithic monuments in Karelia)*. Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS (in Russian).

Gurina, N. N. 1997. *Istoriya kul'tury drevnego naseleniya Kol'skogo poluostrova (History of culture of the Kola Peninsula ancient population)*. Saint-Petersburg: “Peterburgskoe Vostokovedenie” Publ. (in Russian).

Gusentsova, T. M., Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Uchenye zapiski Petrozavodskogo gosudarstvennogo universiteta (Scientific Bulletin of the Petrozavodsk State University)* 45 (1), 8–19 (in Russian).

Zimina, M. P. 1993. *Kamennyy vek basseyna reki Msty (Stone Age of the Msta River basin)*. Series: Rossiyskiy etnograf (Russian ethnographer) 16. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2007. In Shayakhmetova, L. G. (ed.). *Kol'skiy sbornik (Kola Collection)*. Saint Petersburg: Institute for the History of Material Culture RAS Publ., 102–137 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M. 2023. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 244–265 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Tarasov, A. Yu. 2021. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 21–34 (in Russian).

Zhul'nikov, A. M., Zheltova, M. N., Kul'kova, M. A., Sapelko, T. V., Danilov, G. K. 2025. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (1), 37–53 (in Russian).

Ivanishcheva, M. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, Sviderskaya, E. V. (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Gift-giving economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 57–70 (in Russian).

Mel'nikov, I. V. 2022. In Zhul'nikov, A. M., Otlivanchik, Sviderskaya, E. V. (comp.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey (Gift-giving economy of prehistoric people)*. Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 26–40 (in Russian).

Kostyleva, E. L., Utkin, A. V. 2010. *Neo-eneoliticheskie mogil'niki Verkhnego Povolzh'ya i Volgo-Okskogo mezhdurech'ya. Planigraficheskie i khronologicheskie struktury (Neo-Eneolithic burial grounds of the Upper Volga region and the Volga-Oka interfluvium. Planigraphic and chronological structures)*. Moscow: “TAUS” Publ. (in Russian).

Oshibkina, S. V. 2022. In *Rossiiskaia Arkheologiya (Russian Archaeology)* (4), 7–20 (in Russian).

Pankrushev, G. A. 1964. *Otchet o rabote Onegzhskoy arkeologicheskoy ekspeditsii v Karelii v 1964 g. (Report on the work of the Onega archaeological expedition in Karelia in 1964)*. Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Pankrushev, G. A. 1978. *Mezolit i neolit Karelii. Chast' 2. Neolit (Mesolithic and Neolithic Karelia. Part 2. Neolithic)*. Leningrad: “Nauka” Publ. (in Russian).

Pesonen, P. E. 1977. In *Sovetskaia Arkheologiya (Soviet Archaeology)* (1), 126–138 (in Russian).

Pesonen, P. E. 1980. In Savvateev, Yu. A. (ed.). *Novye arkheologicheskie pamyatniki Karelii i Kol'skogo poluostrova* (New archaeological sites of Karelia and the Kola Peninsula). Petrozavodsk: Karelian Research Centre RAS Publ., 37–79 (in Russian).

Tarasov, A. Yu. 2022. In Zhul'nikov, A. M. et al. (eds.). *Prestizhnaya ekonomika pervobytnykh lyudey* (Gift-giving economy of prehistoric people). Petrozavodsk: Petrozavodsk State University Publ., 111–139 (in Russian).

Tarasov, A. Yu., Khoroshun, T. A. 2016. In Zaytseva, G. I., Lozovskaya, O. V., Vybornov, A. A., Mazurkevich, A. A. (comp.). *Radiouglerodnaya khronologiya epokhi neolita Vostochnoy Evropy VII–III tysyachetiy do n. e.* (Radiocarbon Chronology of the Neolithic Age of Eastern Europe in the 7th – 3rd millennia BC.). Smolensk: "Svitok" Publ., 368–387 (in Russian).

Titov, Yu. V. 1973. *Otchet o rabote Kol'skoy arkheologicheskoy ekspeditsii Karel'skogo filiala AN SSSR v 1972 g.* (Report on the work of the Kola archaeological expedition of the Karelian Branch of the USSR Academy of Sciences in 1972). Archive of the Karelian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences (in Russian).

Ahola, M. 2019. *Death in the Stone Age – Making Sense of Mesolithic-Neolithic Mortuary Remains from Finland (ca. 6800 to 2300 Cal BC)*. Helsinki: University of Helsinki Publ.

Ahola, M., Macãne, A., Nordqvist, K. 2025. In *European Journal of Archaeology*, 1–19 (in English).

Edgren, T. 1960. In *Finskt Museum* 66, 5–25.

Kolka, V. V., Korsakova, O. P. 2012. In *Proceedings of the MSTU*. Vol. 15, No. 2, 349–356.

Torvinen, M. 1979. In *Suomen museo* 85, 37–80.

About the Author:

Zhul'nikov Alexander M. Candidate of Historical Sciences, Research Associate, Institute of Linguistics, Literature and History, Karelian Research Centre, Russian Academy of Sciences. 185910, Pushkinskaya St. 11, Petrozavodsk, Republic of Karelia, Russian Federation; rockart@yandex.ru

Статья поступила в журнал 27.06.2024 г.
Статья принята к публикации 04.07.2025 г.